

18+НЫ ЖИЗНИ

ЕВГЕНИЙ МОРОКОВ

Евгений Мороков

СНЫ ЖИЗНИ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23686085

ISBN 9785448502149

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Есть ли жизнь после непоправимого? Максим Маркин вынужден справляться с тяжелой утратой в исключительно неподходящий момент. И постепенно понимает: чтобы преодолеть непреодолимое, не обязателен катарсис. Сама драматургия жизни направит тебя на путь исцеления, если быть открытым миру, себе и близким. Подкупающее своей откровенностью повествование об экзистенциальном мужестве. Простая история об очень непростых переживаниях.

Содержание

Сны жизни	5
1	6
2	33
3	55
4	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

СНЫ ЖИЗНИ

Евгений Мороков

Редактор Маргарита Нго

Иллюстратор Рустам Салюков

Иллюстратор Маргарита Афанасьева

© Евгений Мороков, 2018

© Рустам Салюков, иллюстрации, 2018

© Маргарита Афанасьева, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4485-0214-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СНЫ ЖИЗНИ
Евгений Мороков

1

У каждого ребенка есть человек, на которого он старается быть похожим. Чаще всего это один из родителей. В детстве, когда мы еще совсем маленькие, нам порой говорят, что мы безумно похожи на отца или мать, неважно чем: будь то глаза, волосы, нос или черты характера. Важно то, что мы чувствуем, когда нам это говорят. Во мне горело чувство гордости, потому что мне говорили: «Ты весь в отца».

С детства я был привязан к нему. Помню, у него был большой грузовик, наверное, он и послужил мостом наших отношений. Каждый раз, когда он ездил в какую-либо деревню продавать овощи с фруктами, я непременно запрыгивал в этого огромного «монстра», двигатель выдавал звериные звуки в тот момент, когда левая нога отца отпускала сцепление, а правая давила педаль газа. Рычание растворялось в спертом воздухе и огромные грубые колеса топтали мелкие камни, что попадались им на пути. Мне было всё равно, сколько это займет времени, какая будет погода, пообедаем мы или целый день будем голодными. Я залезал в грузовик и наблюдал, как мой отец управляет им.

Однажды, в одну из наших многочисленных поездок, мы попали под ливень. Нам не удалось продать картошку, находившуюся в нашем «монстре», а ехать домой нельзя было, так как дороги не было видно, да и возвращаться с пустыми

карманами не хотелось. Отец сказал мне запрыгнуть в кабину и сидеть там, через несколько минут он и сам оказался рядом со мной. «Сынок, ты не замерз?» – первая фраза, которую отец сразу сказал, открыв машину. Отрицательно покачал головой, пытаясь убедить себя и его в том, что ни капельки не замерз. Естественно, это являлось ложью, но я не хотел говорить правду, ведь тогда мы бы поехали домой, не заработав почти ничего. Папа разоблачил детскую ложь, он снял с меня один ботинок, потрогал мою бледную костлявую ногу, тяжело вздохнул и посмотрел на меня. Я видел, как в его глазах сразу появилась тревога. Он достал какие-то старые газеты, завернул в них мои щиколотки, ставшие мне носками, отыскал в кабине старую обувь, служившую ему много лет верой и правдой. Затем сказал мне держать ноги в безразмерных сухих потрепанных кроссовках. Машина тронулась с места, направляясь в сторону нашего дома. Ни о какой торговле отец и думать не хотел.

Время шло, мы перестали ездить по деревням, отец работал механиком в автомастерской на неизвестного дядю. Я иногда приходил к нему в мастерскую, но больше мне нравилось бывать в нашем гараже, который был для нас неким храмом, где царили уют и запах машинного масла, там я помогал папе чинить его «ласточку». В ходе нашей работы мы много разговаривали и спорили, веселились и просто отдыхали. Машины были частью его жизни, он мог целый день проводить в гараже, ковыряясь в старой «развалюхе», считая, что

можно поставить на ноги любую машину. Только сейчас я понимаю, насколько тогда привязался к нему.

Каждый вечер я ждал звонка. Подняв трубку, я слышал бодрый голос отца: «Ты поедешь со мной ставить машину?» На это я всегда отвечал: «Конечно». В ту же секунду я мчался одеваться и выбегал на улицу, считая пустые секунды, ожидая света фар в темном дворе.

Вечера, когда мы ставили машину, были для меня самыми ценными, я чувствовал нашу связь. Мы закрывали двери ленивого гаража, на воротах которого летом всегда выгорала краска, поэтому каждый год приходилось красить их в новый цвет. Мы создавали собственную радиоволну и просто болтали, шагая по молчаливому асфальту, легко перепрыгивая с одной темы на другую. Воздух кружил голову своей легкостью, слова порхали вместе с теплым хитрым ветром, он любил подслушивать наши диалоги, а потом обсуждать их с могучими зелеными деревьями.

Мы заходили домой, где пахло невероятно вкусной едой. Будь я хоть всю жизнь сытый, но от такой еды никогда бы не смог отказаться. На кухне кружилась крошечная женщина с ложками и вилками в руках. Каждый вечер я поражался маме. Она успевала сходить на работу, зайти в магазин, приготовить ужин и убраться в квартире. Ее прозрачные руки не знали покоя, вечно в работе, вечно в движении. За столом мы обсуждали школу, спорт и, конечно же, кино. Мама любила наблюдать за нами, мы были ее любимым сериалом

перед сном.

Когда мне было восемь, мы с ребятами уже зарабатывали деньги. Целыми днями гоняли по дворам в поиске металла. С самого утра делились на группы, каждая группа выбирала себе свой двор, в котором сегодня будет искать клад. Всё найденное хранилось в заброшенном каменном курятнике, где мы успели обосноваться. К вечеру, когда последние ребята приносили свою добычу, мы отправлялись к местному скупщику металла, что жил в конце длинной улицы, усыпанной маленькими домиками. Он платил самую высокую цену в нашем городке. Несмотря на это, иногда нам приходилось ходить на другие точки, но там мы всегда разочаровывались и возвращались обратно, к высоким серебряным воротам. «Золото» делили на всех, каждый сам решал, что делать со своими деньгами, бывало, мы спускали всё на пикник за домом: стелили домашнее покрывало, тащили родительские ножи с вилками и кружками, жарили картошку с помидорами на костре и запивали всё газировкой. А напоследок объедались мороженым.

В седьмом классе я начал общаться с ребятами из старших классов и в тот момент влюбился первый раз, только так я мог назвать это чувство внутри меня. Вечерами я стал пропадать у подъездов третьего двора. Сам я был из первого, но когда-то любому человеку нужно всё-таки выйти за пределы собственного двора и откусить кусок жизни. Я укусил ее, запивая дешевым алкоголем, что продавался в местных

ларьках и у старух под столиком, торговавших семечками да сигаретами на парапете. У меня появился лучший друг Ростик. С ним было весело, он не напрягал. Когда он улыбался, все замечали его клыки, они тянулись из верхней челюсти. Он любил использовать свою улыбку вместо развернутого ответа на заданный ему в лоб вопрос. Кудрявые волосы на его голове напоминали шифер дома, устеленный под пятнадцатью градусами, поэтому его голову смело можно было назвать маленьким двухэтажным домом.

Мы мало общались, да оно и не нужно было нам, только под алкоголем он мог рассказать забавную историю из жизни своей семьи, мы ловили нить, пропитанную хмельным пивом, и вязали паучьи сети из рассказов и планов на будущее. В Ростике жила безобидность, наверное, это и помогает. В общении с ним ты не чувствовал опасности, он не любил шутить над кем-то, поэтому все видели в нем собеседника и друга.

Первая школьная дискотека оказалась для меня разочарованием. Возможно, всё прошло бы не настолько уныло, если бы я целый день не думал о предстоящем вечере. Часто мы ждем какой-нибудь день, думая о его важности, время проходит, секунда за секундой, а в конечном счете ничего не происходит. Ожидания, затем разочарование – кажется, это стало основой моей жизни.

В тот вечер нас было около десяти человек, общаться со всеми не хотелось, да и не для этого мы собрались. Ски-

нуться деньгами на алкоголь, распить его и дружно отправиться веселиться. У нас была огромная компания в то время, если можно назвать компанией всех ребят твоего возраста и немного старше. Я старался держаться Ростика и Никиты, остальные ребята часто менялись. В нашем городке все друг друга знают, поэтому и пили всегда разной тусовкой или, наоборот, всегда одной и той же, всё зависело от повода.

Дискотека проходила не в мою сторону, девушка, сжавшая мое сердце, танцевала с другим парнем медленный танец. Мне нравилось смотреть на окно с прозрачными стеклами, за которыми уже село яркое солнце, оставив мрак на улицах, в коридорах и спортзале, где играет музыка и чувствуется запах пота, что коптится здесь с последнего урока физкультуры. Окна были маленькой дверью, уходившей в огромный мир. Твои проблемы никчемны перед одинокой луной. Она красовалась над землей, показывая всю боль существования.

– Макс, есть дело.

Карие глаза Артема блестели на фоне его темной кожи. Он улыбался и прихлопывал в ладоши, сжав одну кисть в кулак, от этого звук получался насыщенный, в тот момент нельзя было его услышать, но каждый раз, когда его руки соприкасались, в моей голове отчетливо звучал этот хлопок, я пытался не придавать этому значения. Его длинная челка улеглась на правый бок лица, так было модно.

– Че за дело?

Я выпрямился и посмотрел в его черные глаза, в которых и так всё было ясно.

– Погнали к «немцу», намотим бухла. У него за мелочь можно взять литруху водки.

– Может, позже, дискотека скоро закончится, – неуверенно произнес я.

Мой взгляд лег на всех людей, толпившихся в школьном спортзале. Они все такие беззаботные, думаю, такими мы и должны быть в этот вечер. Воздушные шары, развешанные по периметру всего зала, кричали о веселье. Почему тогда мне совсем не весело?

– Че тут делать, стоять сохнуть только. Погнали на улицу, все ребята идут.

Он махнул головой, указывая на выход, я медленно зашагал, наслаждаясь секундами танца Насти из девятого класса, она парила в воздухе, подобно бабочке, которая ни о чем не думает, от этого мне стало еще хуже. «Любовь обожает страдание», – такие слова запрыгали в моей голове, когда мы вышли на улицу.

Смех взрывал скромные улицы, мы знали – это наш район, улицы, дворы, поэтому смело протаптывали дорогу в известном направлении. Фонари работали через раз, часто мелькали черные спины с разными голосами. Все находились в режиме ожидания, чем ближе мы подходили к заданной точке, тем меньше голосов звучало в пространстве.

– Ребят, давайте дождемся стаканчиков, а потом будем

пить! – кто-то крикнул из толпы, но мне было плевать на него, я взял зеркальную бутылку, наполненную неизвестностью, и сделал несколько больших глотков навстречу первой боли в сердце.

– О-о-о-о, – протянул Артем. – Хорошо пошла, я смотрю, делись давай с нами.

Он протянул пластиковые стаканчики. Вкус паленой водки заполнил полость рта; переборов рвотный позыв, я улыбнулся.

– Отвратительно, но главное, чтобы дало, – я не чувствовал волшебного эффекта, обещанного мне из рекламы. – Будет печально, если эта хрень окажется пустышкой.

– Не парься, ты наливай лучше, а там посмотрим, что будет, – сказал парень, которого все называли «старым», говорили, что так его прозвали из-за фамилии, но в тот вечер я был готов поспорить, что это из-за его молочных бакенбард и нескольких светлых волосиков под носом.

Горлышко бутылки коснулось стаканчиков ровно восемь раз, а потом я присосался к ней снова. Мы находились в самом центре двора, и наши крики избивали стекла всех домов в округе. Чувство равновесия заселилось во мне, уют, созданный под алкоголем, одновременно вызывал радость и тоску. В одном из домов у подъезда на лавочке сидела Настя со своей подругой и двумя парнями из одиннадцатого класса. Не подойти я не мог, а с уверенностью, что кипела в бутылке, стыдно было себе этого не позволить. Ветер пы-

тался всеми силами меня остановить, подталкивая мое неуклюжее тело обратно, но я дошел до подъезда, где они сидели, обменялся рукопожатиями и облокотился на железный ледяной столб.

– Как ты можешь пить эту мерзость? – в голосе Насти слышалась игра отвращения вперемешку с заботой.

– Ужас просто, – подтвердила ее темноволосая подруга.

Я посмотрел на бутылку и сделал глоток. Девушки скривели лица, а парни молча смотрели на меня.

– Не хочешь? – я предложил одному из парней, но тот отказался, за ним и второй.

– Возьми запей хоть, – Настя протянула мне свою газировку. Ее маленькие пальцы крепко сжимали жестяную банку. Кожа была нездорово бледной, поэтому самодельный маникюр резал глаза. Я взял газировку и допил ее двумя большими глотками, посмотрев в глаза первой любви. Два маленьких полумесяца, внутри которых кружился весенний запах природы, ответили мне кротким бездушным взглядом. В тот момент мне казалось, что ее кожу шили из нитей облаков, сияющих на небе, а меня нашли в земле и вырвали, как сорняк. Чтобы отвращение к самому себе стало еще больше, мне хватило небольшого глотка огненной жидкости.

– Спасибо, буду должен.

Ребята уже начинали меня искать, мой телефон разрывал задний карман джинсов, никто даже не заметил, как я отошел на двадцать-тридцать метров. Я достал трубку из карма-

на, она светилась, как новогодняя елочка, и, размахивая ею над головой, побрел к своей компании. В тот вечер мне почудилось, что разум слишком трезвый, сколько бы организм ни принимал этой гадости. Как только я осознал всю трезвость ситуации, а это было возле обнаженных деревьев, недалеко от лавочки, где уже начинали петь песни ребята, мне стало скучно, и, схватившись за крепкую ветвь дерева, я закричал во всю мощь: «Инопланетяне!» Такое слово всплыло в моей залитой алкоголем голове, после тело мое рухнуло и память начала отказывать. Мне вспоминается только тот момент, когда четверо парней несли мою тушку домой. «Дайте мне встать, парни, вы чего, дайте встать...» Но никто меня не слушал, как оказалось, мне давали встать, но я постоянно падал. Такие были мои первые шаги во взрослую жизнь, если ее можно так назвать.

Девятый класс стал для меня уроком жизни, тяжелым подростковым выбором. Летом перед школой я наконец-то расколол деревянное сердце Насти. После, конечно, я понял – это было для меня временем ошибок, длинной изматывающей дорогой. Бессмысленные посиделки у подъезда и постоянные звонки на домашний и сотовый телефоны. Многие проходят через этот юношеский вздор, а некоторые остаются в этом времени. Мне стало скучно, сквозь ее восковое тело ничего не проскальзывало, никакие нити нас не связывали, и вечерами мы только и делали, что целовались и обсуждали вещи, не вызывавшие никакого интереса. Ее голос начал

вызывать у меня отвращение, а слова, вылетавшие наружу из ее тонких розовых губ, резали уши, добираясь до моей еще совсем юной нервной системы. Всё чаще я находил причины для посиделок с друзьями или родителями, видеть ее мне не хотелось, что с этим делать, не знал. Я винил себя в этом, мол, «добился, а теперь хочешь бросить, так нельзя поступать, в этом нет смысла». Вечер еще скрывал все выпирающие углы, но днем мне становилось неловко рядом с ней.

Всё окончательно решилось при встрече с Евой, тогда мое сердце ощутило вкус собственной крови и осознало истинный смысл слов любви. Мысли о ней, как варвары, вбегали в голову и грабили весь мой мир. Теперь всё вокруг пестрило красками, и наконец я услышал биение собственного сердца. Сутками я размышлял, что мне делать, как поступить с Настей, но ситуация сама меня нашла. После очередной тусовки в местном клубе моя девушка отправилась домой с подругами и парочкой парней из нашей компании. Мне хотелось больше алкоголя, я захватил Ростика с Никитой, и мы отправились на поиски ледяного пива. По улице бродили такие же алкоголики-подростки и их самодовольная тень от фонарей, которые мирно стояли у зеленых лавок. Деревья шумели от негодования, им хотелось покоя, только ветер всю ночь гулял с нами, и теперь ему хотелось веселья. Три бутылки пива – это всё, что нам удалось тогда достать на деньги, смятые в карманах наших брюк.

Взрыв тишины, вызванный крушением одного из огром-

ных окон универмага, застал меня врасплох:

– Ты че сделал, Ник! – заорал я.

Мы шли налегке, погруженные в свои мысли, а этот упырь разбил стекло грубым куском асфальта.

– Да какого хера оно мне глаза мозолит?

Он еще смотрел в сторону окна и не понимал, что сделал огромное отверстие, служившее проходом в универмаг. Это всё могло выйти нам боком.

– Сваливаем отсюда, – Ник меня не слышал. – Эй, ты че там встал, как столб? Давай двигай.

Я не знал, о чем он думает. Спустя несколько секунд мы побежали в сторону нашего района. Спящие улицы встречали нас встревоженно, мы остерегались каждого шороха, поджидавшего нас за углом.

Раньше мы постоянно били стекла в местном общежитии на первом этаже. Это добавляло тебе несколько баллов в дневник «уличного бандита», особенно если в компании находятся новые люди. Каждый старичок хотел показать, на что он способен. Кто-то обматывал кулак собственной футболкой, оголяя торс, другие пытались достать ногой, а самые смелые подходили и молча разбивали стандартное окно в деревянной раме своими детскими кулаками. После такого часто оставались порезы на руках. Кровь, капавшая на сухую землю, выставляла тебя круче остальных.

Мы подходили к нашему району, поэтому чувствовали себя превосходно, в нас бродил алкоголь, смешанный с адре-

налином, его нам обычно хватало до утра. Я решил набрать Настю.

– Вы где? – на заднем фоне слышался смех.

– Идем домой, – ее голос играл со словами, она чувствовала мое нападение, поэтому без труда отразила удар и направила его на меня.

– А точнее, мне надо с тобой встретиться, – я сдал позиции своим неровным голосом.

– Подходи к садику, я буду там минут через пять, – она выиграла в этой маленькой битве, но так было даже легче принимать решение.

Я оставил ребят на лавках и отправился к садику. Волнение внутри начинало меня отрезвлять, кровь кипела в моих венах, желудок начинало сводить. Сделав несколько глотков холодного пива, я пришел в норму. Детский сад пугал своей мрачностью, можно было смело называть это тюрьмой особо строго режима, словно там каждую ночь лишают жизни людей. Гниющее здание неизвестного года спрятано за огромным бетонным ледяным забором, напоминающим тюремные решетки. Площадки с деревянными домиками, краска которых уже давно опала в сырую землю, и качели со шрамами от местного сварщика. Тяжело представить, будто бы поутру здесь резвятся детишки.

Прошло пятнадцать минут, у меня осталась приблизительно половина бутылки пива, да и то уже не вмещалось в меня. Настроение пропало, горечь послевкусия растека-

лась во рту. Правая рука держала телефон, взгляд устремился на экран. Минуты шли одна за другой, вокруг ничего не происходило. Терпение подошло к концу; набрав номер Насти, мои уши жадно ловили каждый гудок. Шесть! Шесть, длинных гудков терзали меня, после них наступила тишина.

– Ну и где ты? – я с трудом сдерживал себя, гнев, пылающий внутри, сжигал кожу лица.

– Слушай, мы не пошли через садик, подходи к моему дому, мы тут на лавках.

Эти слова вывели меня из себя, в придачу еще смех на заднем фоне вскружил мне голову. Сделав глубокий выдох тяжелого углекислого газа, я закрыл на секунду глаза и представил ее лицо рядом со своим. На прощание я улыбнулся.

– Да пошла ты...

Полупустая бутылка разбилась об бетонную стену садика, а с ней и всё то, что накопилось за эти месяцы. Звук шлепка раздался спустя мгновение, он полностью удовлетворил меня. Несколько глубоких вдохов сладкого воздуха начали успокаивать меня.

Дойдя до своего дома, я наконец-то почувствовал свободу и радость. Радость от всего ожидающего меня впереди, там, в завтрашнем дне. Мне казалось, вот только сейчас начинается моя жизнь. Довольный сегодняшним вечером, откинув все мысли куда-то далеко, я лег в теплую кровать, посмотрел в окно и попрощался с этим долгим скудным днем и полной ночью.

Наш двор стал угасать, подобно мертвой звезде, молодость сбежала с шумных улиц и звонких подъездов, виной тому оказались гашиш и травка. Воздух стоял осенний, желтые листья еще кружили девчонкам головы, а парни ловили слухи о сладком густом дыме, который вот-вот появится на руках у знакомых. Некоторые уже говорили о том, как это здорово, они ловили приход от травы. Алкоголь – это забытая вещь.

Волны времени накатывали, я не замечал, как ребят забирает отбойное течение, как они потихоньку начинают подсаживаться на эту тему. Мне приходилось несколько раз пробовать это дерьмо, но особого эффекта не было, маленькое опьянение и только. Я делал затяг или опускал банку, а глаза парней съедали меня, они ждали моего ответа. Легкое щеко-тание по еще совсем юным легким, выходявшее на поверхность сухим кашлем, больше ничего, ответ неудовлетворительный.

– Зачем на него только продукт переводить? – говорил Остап.

Он доставал всю дурь через своих приятелей, по этой причине считался негласным лидером в помутневшей компании. Власть ему давалась тяжело. В дни засухи, когда карманы у всех были пусты и приходилось просиживать вечера на лавочке, его мало кто воспринимал серьезно. Выглядел он всегда помятым, растрепанным, а в придачу настроение прыгало от минуты к минуте. Его молочные волосы все-

гда было видно за километр, кривые ноги небрежно ступали по земле, и когда он подходил к нам, имел детскую привычку грызть ногти на руках; перебирая свои сосиски у грязного рта, он то и дело кусал один ноготь за другим, впиваясь в него, подобно голодному шакалу. Голубые глаза горели пламенем безумия, достаточно было одного слова, чтобы вывести его из себя. Бледные брови резко опускались, а на свет выкатывались стеклянные глаза, бычье бешенство, ничего иного.

– Да ладно, он еще не распробовал. Опустит еще одну, Макс, – твердил Ростик, указывая мне на две обрезанные бутылки, одна была наполнена водой, а вторая, верхняя часть, служила некой кислородной маской, только вместо кислорода вдыхаешь колючий дым.

– Не, парни. Я не хочу, хватит.

Выйдя на улицу, сделав пару вздохов сладкого воздуха, мне стало легче. Конечно, никто не последовал за мной, все боялись упустить свой приход. Теперь это была гонка не за весельем, как в случае с алкоголем, теперь мы жили кайфом, который никто не хочет себе обламывать.

Как только это началось, мы перебрались в гараж к Остапу. Это было полупустое помещение, в котором и света не было, поэтому светили фонариками или покупали свечки. Сидели на ящиках и двух деревянных стульях, на вид каждому из стульев было больше лет, чем нам всем. Посередине стоял маленький круглый стол, на котором постоянно игра-

ли в нарды. Сам я никогда не умел играть, да и желания начать не возникало, но, приходя туда, я каждый раз замечал, как ребята увлечены этой игрой, даже если они не участвуют, то определенно наблюдают за ходом игры. В итоге все полюбили нарды, и после нескольких дурманящих банок образовывалась очередь.

Каждый день теперь проходил по одному сценарию, меня этот сценарий совсем не привлекал. Никто уже не хотел бродить по улицам, тусить в клубе, пить на лавочках. Ребята выкидывали последние деньги на дурь. Алкоголь им больше неинтересен. «Он перебивает весь кайф», «От него только попускает», «Да я сейчас и глотка не сделаю», – говорили они. Вывод образовался из густого дыма, наполняющего бетонный коробок, – друзья поддались соблазну. Остаться дальше с ними, сидеть в гараже нет никакого смысла. Их интересы не выходят за пределы сырых каменных стен, а мне не хотелось убивать так свое время.

– Парни, погнали в центр, может, куда-нибудь заскочим.

Суббота всегда зовет на приключения. Выходные дни становятся волшебными, когда их ждешь. Эту субботу я ждал, потому что знал, что Ева будет там.

– Макс, да что там делать? – протянул Никита, не взглянув на меня. Передо мной красовался его затылок, усыпанный черными отрогками. Глаза его захватила доска с игрой.

– В натуре, Макс, так далеко идти. Давай, может, на бильярд подкатим. – После этих слов Ростик посмотрел на ме-

ня, верил ли он сам в эти слова, не могу сказать, ведь их поглотила игра в нарды. На секунду мне показалось, будто меня никто не слышит.

– В задницу бильярд, он у нас на отшибе стоит. Скука, – возразил я, но они не хотели меня слушать. Остап сидел ко мне спиной и молчал, Артем возился с бутылками. Только Ростик и Никита отвечали мне, но было ясно, что никто никуда не пойдёт.

– Не, я точно не пойду, мои карманы пусты и слишком далеко валить.

После этих слов Никиты до меня дошло: пора уходить. Потерялась нить, связавшая нас в одну компанию. Я молча развернулся и пошел. В воздухе еще чувствовалось присутствие травы, но с каждым новым шагом кислород очищался. Выйдя на дорогу, я понял – сегодня остался один. Прозрачные капли ложились на старый асфальт, очищая его от пыли, накопившейся за эти дни. Мне стало немного не по себе: привыкать к одиночеству всегда тяжело, но, чтобы остаться собой, лучше уходить, а не растворяться в людях.

Наступил мой выпускной. Все два года я мечтал о переезде в столицу. Наш маленький город меня угнетал, в нем всё стояло на своих местах, а мне хотелось новой жизни. После девятого класса я стал больше общаться со своими одноклассниками и нашел их весьма интересными людьми, у которых были своими планы на жизнь. Нам стало интересно, что с нами будет через пять лет, поэтому мы написали пись-

ма и закинули их в бутылку из-под шампанского. Она ждет своего времени под толстым слоем земли, где-то недалеко от школы.

Родители знали, как сильно мне хочется отправиться в столицу. Поэтому сделали всё, чтобы это произошло. Последние дни лета уходили, а я до сих пор не понимал, что совсем скоро начнется другая жизнь, где я останусь один, без друзей, без семьи. В семнадцать лет мне было безумно страшно переезжать. Ведь новая жизнь одновременно манит и пугает своей неизвестностью. У меня еще была возможность передумать. Остаться дома, с семьей, девушкой, друзьями, без которых я себя чувствовал невероятно одиноким. Но из этого ничего не выйдет. Сидеть в маленьком городке, где каждая собака для тебя соседская, не вариант.

Стук в дверь отогнал мои мысли. В дверях стоял отец.

– Можно к тебе?

Я посмотрел на него и будто бы впервые увидел его глаза. В них переливалось столько силы, любви и надежды, внутри меня заиграла гордость за отца. На секунду показалось, будто бы я увидел всю его жизнь, всю боль и препятствия, через которые ему пришлось пройти. Секунда прошла, я ответил папе кивком. Он сел рядом со мной.

– Ну что, ты готов к переезду?

Эти слова были для меня чужды, какое-то время они зависли в воздухе, затем не спеша опустились и начали вызывать тревогу в сердце.

– Не знаю, пап, я волнуюсь.

Глаза устремились в окно, пытаясь разглядеть будущее, скрывающееся где-то далеко-далеко. Но ничего не было видно.

– «Это правильно, так и должно быть», – его голос успокаивал. Он растекался по комнате и сглаживал все углы и ямы. Я почувствовал себя в безопасности, той сладкой безопасности детства, когда все проблемы решают родители. Мой дом – это я сам, слишком трудно отказываться от самого себя.

– А вдруг я не смогу там жить? Вдруг меня выгонят? Или еще что-нибудь, – в голову совсем ничего не лезло.

– Сынок, если не попробуешь, то у тебя только и останется, что твое «вдруг». Посмотри на меня. Ты думаешь, я мечтал работать на какого-то дядю? Конечно, нет! Знаешь, почему всё так?

– Почему? – тихо пробормотал я.

– Потому что я забоялся рискнуть. Мне было страшно, что ничего не выйдет. Мне было стыдно, вдруг меня засмеют, но поверь мне, это были ошибки, их уже не исправить. Рядом со мной не было человека, который бы мог направить и поверить в меня.

Его сильная рука опустилась мне на плечо, будто бы пытаясь разбудить меня и отогнать весь страх.

– Ты не должен никого никогда бояться. Если ты этого не сделаешь, то никто, кроме тебя, этого тоже не сделает. Мы

с твоей мамой уж точно за тебя учиться не будем. Подумай, чего ты хочешь от этой жизни, а потом реши, готов ли ты идти до конца, если не готов, то брось эту затею и иди работать на мясокомбинат, но если ты поймешь, что это твое, то никогда не останавливайся. Не дай никому тебя напугать, а если решили пристыдить тебя, то ты не обращай внимания, это только потому, что сами они ничего в этой жизни не делают. Таких сейчас много, они смеются над попытками и обвиняют всех вокруг, а те, кто делают, никогда не станут стыдить, ведь они знают, какие трудности тебе придется преодолеть. Я верю в тебя, мама верит в тебя, только ты тоже поверь в себя. Если в тебе нет веры, значит, ищи что-то другое, а когда найдешь, то заставь всех поверить в себя.

От этих слов мне стало немного не по себе, ответственность легла мне на плечи. Отец верил в меня, это было главное.

Он обнял меня, я почувствовал запах его туалетной воды, она всегда была одинаковой, и я давно привык к этому запаху, но сегодня она напомнила мне детство, дни, когда мы просто шли домой из гаража. Детство... Его больше никогда не будет.

– Нам пора уже выдвигаться на вокзал.

Он встал и пошел к двери, повернулся, посмотрел на меня, словно прощался со мной, и улыбнулся.

– Я помню, когда ты был еще вот такой малюсенький сверточек, – произнес он, показывая руками, как мне казалось,

длину не больше буханки хлеба.

Заправляя кровать, мне казалось, что жизнь порезана на части. Секунда – и больше ничего не осталось. Взглянув на свой ночлег, вспомнил дни, когда ребенком прибежал к родителям в комнату в поисках защиты от пугающей темноты, собственного воображения и зловещего шороха за стеклом. Помню, отец всегда ложился с краю, чтобы отбить атаку опасного мира. Он был воином, охраняющим жителей города. Я мечтал, что, когда вырасту, тоже буду спать с краю, охраняя свою семью.

На платформе мама совсем изменилась в лице, словно до этого момента она не верила в мой отъезд и только сейчас начала всё понимать. От этого мне стало неловко, но отец явно не хотел, чтобы вокруг нас была атмосфера грусти, поэтому он купил в привокзальной лавке мороженое и заставил меня и маму его есть, а сам довольствовался шоколадным батончиком, рассказывая забавные истории своих странствий.

Последние минуты самые нелепые, ведь прощаться никто никогда не умеет. Мать крепко обняла меня и очень быстро давала наставления. Отец пожал мне руку, обнял и улыбнулся так же, как сегодня утром в комнате.

Поезд тронулся, железные колеса всё быстрее и быстрее уходили вперед. Новая жизнь, мне уже чудилось, будто бы нет ничего лучше этого мгновения. Я представлял себе этот огромный город, полный надежд, который примет меня как родного человека. Всё изменится, а вместе с этим изменюсь

и я. Ведь так хочется стать другим, стать лучше.

Знакомые места убежали всё дальше и дальше, дорога, которая шла параллельно, напомнила мне время, когда отец учил меня водить машину. Это продлилось около недели. В первый день мы поехали на окраину нашего маленького городка, где почти не было машин, там мы менялись местами. Машина тронулась с места, руки вцепились в руль, ноги напряглись, чувства радости и страха заиграли во мне. Через несколько минут приходила уверенность, она проходила по всему телу и доходила до пальцев рук и ног. В тот момент я осознал, что ради скорости стоит жить, ради звука ветра за открытым окном, ради чувства силы, гоняющей по твоим артериям.

Всего через несколько дней я свободно чувствовал себя в этой машине, мы с ней сдружились, она узнавала меня с первого прикосновения коробки передач. Один раз мы ехали вдоль поля с отцом, он рассказывал мне о машинах, а я старался следить за дорогой. Неподалеку стояли ребята лет двенадцати и голосовали. Их было двое, они были одинакового роста и оба светленькие, только один был упитанный, а второй худой и чересчур загорелый. «Давай подкинем ребят», – сказал папа. Мы остановились и захватили их, они направлялись на ставок, находившийся в паре километров. Отец начал спрашивать, зачем они туда направляются, они рассказывали про отличный клев на бамбуковые удочки, спрятанные на деревьях. Они ходили рыбачить через день

по раннему утру и до самого обеда. Самое пекло они проводят в воде, домой же возвращаются к вечеру. Такой распорядок дня был идеален для летних дней. Местная жара изматывает людей, многие сидят дома до самого вечера, а после выходят на улицу, вдыхают запах подгорелой кожи асфальта, радуясь еще одному прожитому дню.

Последний день, когда я находился за рулем отцовской любви, был невероятным. Он должен был забрать меня от тетушки Аллы, я любил проводить у нее выходные. Она жила в большом доме на окраине городка, ей было приятно мое общество, это было взаимно. Ей не нравилось работать в огороде, но она безумно любила пространство. Квартиры сковывали ее, а собственный дом позволял ей делать всё, что только придет на ум. Это была прекрасная женщина. Ее энергии хватило бы на десятки людей. Сколько бы мне ни приходилось быть у нее, я находил ее в постоянном движении. Тетя Алла была невысокого роста, с короткими ручками, им точно не суждено было работать в саду. Она всегда хорошо выглядела, часто посещала салоны красоты. Каждый месяц ее можно было застать с новой прической, волосы она никогда не красила в другой цвет, ей нравилось быть блондинкой. На свои сорок она, конечно же, не выглядела, более того, я уверен – она и чувствовала себя гораздо моложе.

На улице бегал легкий ветер, лучи солнца нежно садились на каждый листок огромных деревьев, они уже не жгли,

а ласково согревали, дарили тепло каждому, кто попадал под них. Я слышал звук колес на раскаленной дороге и веселую музыку жизни из окон машины. Он безумно любил музыку, мне частенько говорили: «Твой отец слушает крутую музыку», – на что я только пожимал плечами и молча соглашался. Машина заехала во двор. Отец открыл дверь и спокойно вылез навстречу яркому свету, на лице у него была улыбка, мне плохо помнится, чтобы ее не было, когда он находился за рулем автомобиля. Мама всегда говорила, что он ведет себя точно мальчишка, слушая молодежную музыку и одеваясь как студент, папа воспринимал это как комплимент.

– Иди садись за руль.

Мое лицо приняло удивленный вид.

– Что ты так смотришь? Давай садись, поехали, – продолжил он.

– А если пост будет стоять? – нерешительно сказал я.

– Никого там не было. Да и ты отлично водишь машину. Всё, поехали.

Волна эмоций охватила меня, первый раз мне представился шанс кататься по городу. Когда мы сели в машину, отец посмотрел на меня и дал понять, что пора трогаться. В глазах его была уверенность в моих силах. Эта уверенность передалась и мне. С первым рычанием двигателя я уже знал – всё получится. Тогда мне стало ясно – всего лишь нужен человек, который поверит в тебя, для того чтобы у тебя всё получилось. Со мной рядом находился именно тот человек...

Прошлое уходило всё глубже, оседая на пустынном дне моей памяти. Страх царил во мне. Неизвестное будущее, что может быть лучше? В этот момент чувствуешь, что сможешь стать любым человеком, понимаешь, что ты уже не будешь прежним. Но я ошибался в какой-то части. Меняются все, но на это не влияет то, где ты сегодня будешь жить, а где завтра. Просто время идет, в твоей жизни происходят разные вещи, тебе приходится принимать сложные решения, а потом жить с этим. Вот это меняет тебя. Поэтому, когда мы долго не видим людей, а потом утверждаем, что они стали другими, нам стоит подумать, что их изменило.

Неизвестное будущее.

что может быть лучше?

2

Учебный семестр подходил к концу. Все обсуждали результаты экзаменов и предстоящие праздники. Кто-то бегал с надеждой закрыть последний зачет, висевший цепью на их шее: искали преподавателей. А те в свое время закрывали глаза на прогулы, полагаясь, что делают доброе дело, расписывались в зачетке и томно улыбались вслед уходящим счастливым студентам.

За этот короткий период учебы у меня появилась своя компания, с которой мы собирались отпраздновать Новый год. Многие были неместные, переехав в город, они, конечно же, попадали в общагу. Эти маленькие комнаты имеют огромную силу притяжения, сближающую каждого, кто проживает в этом сером многоэтажном здании. Комната, где проживал я, рассчитана на четырех человек, со мной жили еще два парня: Денис и Саша. С первых же дней мы не чувствовали никакого смущения. Возможно, всему виной первый день, «праздник независимости» в нашей комнате прошел на ура, до рассвета мы поднимали стаканы и делились прошлой жизнью. Воспоминания как давно потерянная вещь: когда находишь ее, становится по-доброму грустно. Ведь ты нашел себя.

Через несколько месяцев я уже понимал, кто эти ребята, кто я среди них. Денис учился вместе со мной в одной груп-

пе, он был низенького роста, в хорошей физической форме, было видно, насколько часто он посещает тренажерный зал. Однако лицо у него было тринадцатилетнего мальчика: овальный череп, усыпанный короткими волосами, чистая кожа, не запачканная щетиной, зеленые глаза, спрятавшиеся под толстыми веками. Он был наивен и полагал, словно во многих людях есть доброта, с каждым можно найти общий язык.

На одном из семинаров по риторике нам нужно было рассказать о себе. Денис подошел к этому делу серьезно, рассказал историю своей школьной жизни, о том, как его часто унижали в школе. Он рассказал о своих кругах ада, пытаясь угасить славу Данте. Рассказал про тренажерный зал, ставший неким чистилищем, там он получил не только физическую форму, но и уверенность в себе. Так полагал Денис, на самом деле это вряд ли ему помогло, внутри он остался таким же маленьким мальчиком, прячущимся от внешнего мира за закрытой дверью комнаты, скрывающимся за плечами своих мнимых друзей.

Саша учился на другом факультете, это был высокий парень с острыми чертами лица, модной прической и дорогой одеждой. Его цель в жизни заключалась в деньгах и девушках. Правильно это или нет, не могу сказать, но он в этом неплохо преуспевал. С первых же дней его можно было прозвать рупором университета. Все события проходили сквозь него. Через месяц многие знали, кто он такой, проблема бы-

ла только в одном: никто не воспринимал первокурсника всерьез.

Общага стала слишком тесной для нас. Мы решили во что бы то ни стало переехать на квартиру. Нашли работу, которую могли совмещать с учебой, точнее, нашли я и Денис, а Саше было достаточно просто набрать родителей. Через месяц мы уже обмывали нашу однокомнатную квартиру.

Часто я скучал по своим родным и девушке. Мы расстались перед моим отъездом в город. Мне посчастливилось находиться рядом с ней полтора года. Ева стала частью меня. Она знала моих родителей и часто приходила ко мне, иногда даже оставалась на ночь. Такие ночи становились для нас праздником, но он заканчивался с приходом бессердечного солнца, забежавшего в наши окна с самого утра. Мне не хотелось делать ей больно, ведь мой отъезд означал новую жизнь. Любовь на расстоянии приносит только боль. Каждый день мои руки тянулись написать ей, но я пообещал себе не делать этого. Так будет только хуже.

Я хотел добиться успеха в этом городе, стать кем-то в этой длинной цепочке жизни. Забыть ее не получалось, да и не хотелось, я мечтал о том, как мы снова будем вместе, о жизни в благополучии и достатке. Неважно, куда унесет нас время, она останется все той же девушкой моей мечты: с каштановыми волосами, большими чистыми глазами цвета молочного шоколада, искренней улыбкой, которая сохранилась с самого ее детства. Она придавала ей вид маленькой хрусталь-

ной принцессы, которую нужно оберегать от любых пылинок, стремившихся к ней. Наше расставание было на той самой школьной лавочке, где мы сидели в первые дни наших отношений, спрятавшись от всех. Она говорила, что любит меня и будет любить всегда, а я молчал. Слова не имеют смысла в такие моменты. Я мог бы сказать, что буду любить ее всегда, несмотря ни на что, она должна помнить и знать о существовании человека, который готов помочь ей в любую минуту. Мне не хотелось доставлять ей боль, но поступить иначе я не мог. Мы так молоды, именно это и погубило бы нас. Руками она закрыла лицо, и голос врезался в тишину. Зачем я выбрал это место, теперь оно навсегда запомнится нам как место расставания. А ведь на этой лавочке двое влюбленных проводили прекрасные минуты, скрываясь от всего мира...

Время подходило к Новому году, нас собралось порядка восьми человек, и мы решили отпраздновать в нашей квартире, а потом, может быть, еще куда заскочим. Все ребята взяли на себя ответственность за определенную часть мероприятия, нам хотелось, чтобы это был особенный вечер. Я отвечал за музыку, поэтому мне приходилось часами слушать песни, которые бы понравились всем.

Оставалось несколько дней до Нового года. Я пришел после учебы, дома никого не было, за окном тьма уже победила свет, хотя на часах было всего шесть вечера. Мое тело замерзло и устало. Оно ныло и кричало, чтобы я отдохнул

и прилег на кровать, что я и сделал. Упав на кровать, мой разум начал уходить в сон. Грязная одежда— это лучший халат. Когда ты приходишь домой с улицы, неважно, куда ты ходил: будь то школа, работа, ужин, кино, свидание. Со всем неважно, во что ты одет. Если ты позволишь себе прилечь хоть на секунду в кровать, то моментально засыпаешь. А приди ты домой, прими ванну, надень халат и укройся одеялом, и еще пару часов твои глаза не сомкнутся.

Звонок мобильного вытащил меня на поверхность. Это позвонила мама.

– Максим, сынок, папа заболел.

Я плохо помню, как поздоровался с ней или вообще что-либо сказал до этого момента. Кольца на стене, которые мне оставил сон, еще кружили в разноцветном обличии.

– Что случилось? Сильно? – Настоящий мир вернулся в мое сознание.

– Да, может, ты приедешь к нам?

Я чувствовал, как она пытается держать свой голос ровным.

– Приеду, конечно. Так что случилось? – Это начинало выводить меня из себя.

– У него рак...

Через трубку лились слезы, попадая мне на плечи, одна за другой. Я отключил телефон. Внутри меня бродили страх и боль. Страх перед неизвестным: неужели это правда, как такое вообще возможно? Я ничего не понимал, но слова уже

стояли в комнате, они загнали меня в угол кровати.

Каждые три секунды мне казалось это сном, просто надо проснуться, но сон не уходил, он остался в реальности. Телефон зазвонил снова. Руки тряслись, а сердце билось, разбивая меня изнутри. За несколько минут, которые я провел со словами матери, на меня напала ужасная усталость, которую никогда до этого не чувствовал. Палец правой руки коснулся зеленой кнопки безжалостного аппарата.

– Всё будет хорошо, он у нас сильный, он поправится. Ты только приезжай, а то он соскучился, ему будет приятно тебя увидеть, – она пыталась вселить в меня надежду, я чувствовал, как ей тяжело натягивать улыбку на лицо, притворяться.

Я молчал. Мне надо было взять себя в руки.

– Максим, ты слышишь меня?

– Да...

– Послушай, всё будет хорошо, тебе надо успокоиться. Твой отец поправится, он принимает лекарства, ничего страшного не случилось, просто он заболел.

– Я завтра буду.

В голову лезли разные мысли, я старался откидывать их. Собрав сумку, отправился на вокзал, купил билет, утром буду уже дома. Поезд будет через несколько часов. Сев в железное кресло, до сих пор не мог собраться с мыслями и понять, что делаю. Вокруг меня ходили люди, все они были разные. Кто-то с пафосным видом разговаривал по телефону, а кто-то с молящим просил денег на билет домой. Какие разные,

но все же люди. Чем мы все отличаемся? Неужели в мире действует правило удачи: кому что суждено, кому что дано в этой жизни. Или все-таки есть тот, кто решает всё, тогда каким правилом он пользуется, когда решает, кто должен умереть, а кто жить? Я не знаю никого из прохожих, не знаю их проблем, но чем заслужила женщина с маленьким ребенком на руках, которая переступает через свою гордость и просит у людей денег, чтобы купить еды, чем она заслужила такую участь? Неужели Бога нет и все происходящее падает на волю случая? А если он есть, то как объяснить это? Некоторые покупают последние модели машин и невероятные яхты, а другие работают на двух работах, чтобы прокормить семью, и радуются белому хлебу с маслом. Деньги – это грязь, и чем больше их, тем меньше остается настоящего человека.

На вокзале стоит ужасная вонь, мне трудно думать, а люди умудряются еще и кушать. Кто-то ест огромные гамбургеры, соус жирными каплями падает на брюки, грязный пол. Другие жуют фрукты, очищая их влажными салфетками, словно блеск апельсина придаст вкуса. Некоторые спят прямо в твердых железных креслах. Вся эта картина не приносит никакого удовольствия. Объявили мою посадку, пора идти. Волнение вернулось ко мне, как только я встал с кресла, опять эта тяжелая реальность. Мне не хотелось звонить ребятам, я оставил им записку, сказав, что уезжаю к родным на праздники и прошу меня извинить.

На улицу опустилась волнующая тишина. Окна поездов

горели приятным теплым светом, свежий воздух дурманил голову, под ногами хрустел снег. С неба падали маленькие звезды, похожие на балерин, танцующих в воздухе. Этот короткий отрезок от вокзала к вагону стал мне минутой успокоения. Многие люди в плацкарте уже спят, у меня боковая нижняя полка, значит, никого не потревожу.

Я уезжал летом. Тогда солнце обжигало асфальт, деревья танцевали в своих изумрудных нарядах, а люди оголялись настолько, насколько это было прилично. Спрыгнув с вагона, мне открылся совсем иной вид, с белоснежными дорогами, бедными изломанными деревьями и огромной пустотой, она не может не разочаровать.

Мне захотелось пройтись пешком, идти было недалеко, около получаса, да и валяться в вагоне жутко надоело. Улицы оказались одинокими, только изредка встречались мне по пути люди, закутанные в свои тулупы, обмотанные шарфами, спрятанные под шапками. Похоже, зимой люди уходят в себя, ни с кем не общаются, на улице появляются редко, по сторонам не смотрят, ничего не видят – в общем, уходят в долгую спячку.

По пути домой мне ни разу не попались на глаза дети. Одни целыми днями сидят дома у своих компьютеров, играют в игры, других не пускают родители, боятся, что их маленькие создания могут простудиться. Для меня это остается дикостью. Ведь когда мне было лет десять, а то и меньше, мы с ребятами постоянно гоняли по эти улицам и дурачились.

Кидались снежками, «намыливали» друг другу лица снегом, лепили снежных баб и катались на санках. В одну сторону улицы ты везешь своего друга в упряжке, обратно – он тебя. Пытались сделать каток с помощью нескольких ведер воды, а потом часами ждали, когда он замерзнет, чтобы затем еще час его раскатывать. Это было веселое время. Если бы у меня была возможность, я бы и сейчас с радостью все это повторил. Но многие ребята заняты своими делами, кто-то работает, кто-то на учебе, а с кем-то просто перестали общаться. Глупо, когда в детстве у тебя целый двор друзей, а спустя некоторое время ты остаешься один. Куда всё уходит? Кто придумал слово «гордость»? И почему люди так часто не могут переступить ее и просто начать снова общаться? Ведь зачастую мы стесняемся написать человеку, с которым давно не виделись, нам бредится это неправильным, как-то «по-идиотски». А тем более позвонить старому другу, с которым поссорились по нелепой причине, но в силу своей гордости не хотим идти на перемирие первым. Когда-нибудь мы останемся совсем одни в маленьком уголке этой огромной земли, вокруг будет бесчисленное количество людей, но мы будем совсем одни...

Я увидел отцовскую машину около дома, на меня обвалилась стена тревоги и грусти. Столько всего мы пережили вместе, столько воспоминаний с этой машиной, да, она успела стать для нас членом семьи. У нее был свой собственный запах, цвет, характер. Папа часто разговаривал с ней, его го-

лос звучал мелодично, спокойно, со стороны казалось, будто бы он общается с девушкой. Полагаю, так и было, просто я этого не понимал.

Летом, когда балконы во всех квартирах открыты, часто слышишь звуки, они несутся из недр улицы, иногда это может быть старая бабуля, кричащая на детей, шумящих возле окон, или любимая музыка твоего соседа, но, когда проезжают машины, слух становится идеальным. Я слышу, как колеса машины давят мелкие камушки на дороге, будто бы кошка, медленно передвигающаяся по земле, ступая лапой на землю, касаясь сначала большой подушечкой земли, а затем остальными. Слышу звук мотора, особенный звук, успевший стать индивидуальным. Он не такой, как все, особенный, поэтому сразу знаю: за окном едет отец. Я бегу на балкон увидеть его быстрее, чем он меня. Папа откроет дверь, выйдет, поднимет голову, увидит меня и улыбнется. Он знает – его ждут. Я полагаю, нет ничего приятней этого чувства: когда ты знаешь, что нужен кому-то, тогда понимаешь – ты живой.

Я зашел домой, дверь была открыта, и мама готовила обед. Отец сидел на диване и смотрел новости. Мама, увидев меня, подбежала, стала обнимать, говорить, как она соскучилась. За эти полгода она совсем не изменилась. Все такая же хрупкая женщина с добрым сердцем, русыми волосами, тонкими, нежными руками и пронзительными зелеными глазами. Ее руки обняли меня, на мгновение показалось, будто бы

я окунулся в детство. В те моменты, когда уставал или охватывала грусть, я подходил к ней, она меня обнимала и говорила: «Всё будет хорошо, не переживай». Тогда я еще верил в эти слова. Отец был приятно удивлен, он не знал о моем возвращении, поэтому сразу начал расспрашивать меня, почему я приехал.

– Как же я мог не приехать к вам на праздники? У меня ведь каникулы.

– В городе праздника разве нет? Или наш сын и вправду соскучился?

– Я очень соскучился, а еще я голоден, у меня там нет мамы, никто не готовит каждый день.

– Да, по тебе видно.

Он подошел ко мне, его рука легла на мое плечо, я чувствовал ее тяжесть и силу. Мы обнялись, но не как отец и сын, а скорее как два родных брата.

– Ну, хватит, мальчики, идите за стол, я как раз приготовила обед, – серьезным тоном сказала мама.

У всех в доме есть свое отдельное место, оно принадлежит только ему, все об этом знают, но никто никогда этого не говорит. Кухня – это королевство моей матери, конечно, иногда и мы туда забегали, но власти никакой, в сущности, не имели. Каждая ложка, вилка, тарелка лежали на определенном месте, нарушать этот порядок нельзя.

Больше всего я соскучился по чистоте на кухне. Если бы мои родители увидели мою среду обитания, то, несомнен-

но, разочаровались бы во мне как в человеке хозяйственном. Хотя, думаю, папа бы достойно оценил мою самостоятельность.

На кухне стоял мягкий зеленый уголок, на такие в свое время была мода. Сейчас мода уже, наверное, прошла, не знаю, за такими вещами я стараюсь не следить. Знаю только одно – эта вещь чертовски удобная. Однажды мне пришлось провести на нем ночь, это было после одной пьянки, не хотел, чтобы родители заметили, как мое неустойчивое тело пробирается к себе в комнату, поэтому сначала я решил выпить чая. Отойти, так сказать. В итоге отошел я рано утром, когда мама стала собираться на работу.

Я скучал по каждому стулу, холодильнику, сковородке и вилке с ложкой. Как всего этого не хватает мне! Особенно мамы, которая может стоять тут часами и смотреть маленький телевизор, готовя очередное восхитительное блюдо.

Дни проходили незаметно, запас свободного времени иссякал быстрее, чем того хотелось бы. Я старался не смотреть на часы, не считать минуты до отъезда. Словно никогда ничего другого не было, я никуда не уезжал, нигде не учился, никто не был болен, всё это нелепый сон, давно забытый сон.

Мы с отцом частенько выбирались в гараж. Он стал для нас убежищем, где мы прятались от внешнего мира, брали выходной от всех проблем и, ни о чем не думая, просто наслаждались временем.

У нас было два кресла, несколько стульев и небольшой

столик, где всегда стоял потертый чайник. В один из холодных дней отец достал из большого старого серого сейфа бутылку коньяка и две рюмки. Он предложил выпить, чтобы не замерзнуть. Я сдержанно согласился, но в душе сиял от радости, это был первый раз, когда мы с ним вместе выпивали.

После нескольких рюмок мы сделали себе чай и уютно сидели в креслах. На полке с инструментами играл старый приемник, какая-то иностранная песня, одна из тех незапоминающихся, что проходят сквозь тебя, совсем пустая. Мы долго молчали, наслаждаясь атмосферой, созданной вокруг. Мой голос разбил невидимые хрустальные стены, защищавшие нас от всех.

– Пап, знаешь, что я бы хотел сделать? – неуверенно произнес я. Открываться людям всегда тяжело.

– Что же? – он ответил, не придав моему тону значения.

– Открыть кафе, – сказав это, моя голова автоматически сделала кивок, подтверждая мои слова.

– Это очень хорошая мысль.

– Тебе нравится? У меня уже есть некоторые наброски, но это так, фантазии. Нужно много денег, поэтому я всерьез никогда не задумывался.

– А вот это ты зря. Деньги всего лишь дело времени. Главное – это идея, которую ты хочешь реализовать, и силы, я надеюсь, ты готов потратить на это дело все свои силы.

– Да, я готов работать день и ночь, чтобы всё получилось.

– Ну, раз так, тогда тебе никто и ничто никогда не мешает. Ты сам выстраиваешь себе препятствия и сам же отступаешь.

Тут он на секунду замолчал, задумываясь.

– Давай сделаем так: придумай всё до мельчайших деталей, а о деньгах вообще забудь, тогда мы и посмотрим, что из этого выйдет. Договорились?

– Конечно, – я согласился, воодушевленный словами отца, мне хотелось рассказать ему всё до мельчайших подробностей, все идеи о создании собственного кафе.

После мы придумали целый список планов, ими надо обязательно заняться. Это был один из тех дней, которые остаются на всю жизнь. Бывает, проходят года, а ты вдруг вспоминаешь это время, думаешь, черт возьми, никогда не было так хорошо, как тогда. Это воспоминание я буду встречать с улыбкой на лице и волнением в сердце.

Иногда я встречал знакомых со школы, у всех была новая университетская жизнь. Каждый рассказывал свою историю о другом городке, как там круто или, наоборот, хочется домой. Теперь мне открылся наш двор с другой стороны, место, где мы провели свое детство, дало плоды. Я увидел, как далеко ушли наши корни, как далеко ушли мы. Появляется приятное чувство, когда твои знакомые называют свои города. Они сразу становятся ближе, принимают форму, оживают. Тоскливо было только от слов, исходивших от каждого человека при встрече, все они предлагали встретиться

на днях. Кто вообще придумал эту фразу: «Давай встретимся на днях»? Если хочешь встретиться, так давай встретимся сегодня, через час или два, зачем встречаться «на днях»?

Ясное дело, на днях встретиться никак не получалось: то у меня были дела, то у других. В детстве такого никогда не происходило, ничего важнее друзей или семьи у нас не было. Но со временем каждый находит нечто другое, хотя никогда не признается себе в этом. Ведь не поэтому мы бросаем все и идем навстречу своей судьбе, которая достанется только тебе.

Каникулы подходили к концу, но я не собирался никуда уезжать, я еще не думал, как именно об этом сообщу родным, поэтому уходил от всяческих разговоров с мамой. Одним утром я зашел в комнату к родителям, папа смотрел телевизор, а мама отправилась за продуктами.

– Какой же все-таки маленький экран. Нам определенно нужно купить больше, как ты думаешь?

– Да, надо бы, – садясь в кресло, сказал я.

– Послушай, сынок, нам надо поговорить.

– Хорошо.

Волнение задушило меня, нужен был воздух, свежий воздух.

– Я заболел одной болезнью, онкологической, но тебе не стоит сильно переживать.

Он посмотрел на меня, оценивая то, как я принял эту информацию, а у меня не получилось подготовиться к этому

разговору. Моя цитадель сыпалась, я не понимал, откуда взялась эта растерянность, столько дней готовился, а теперь ничего. Молчание – единственное правильное решение.

– Врач сказал, что обнаружили ее вовремя и скоро я буду здоров. Да ты и сам видишь – я чувствую себя отлично.

Он выпрямился, показывая всем своим видом: «всё хорошо, видишь?!»

– Как только я поправлюсь, мы займемся делами, ты ведь помнишь наши планы? Я обещаю. Мне приятно, что ты приехал, но тебе пора на учебу. Ты столько сил потратил для поступления, это тебе нужно, собирай вещи и поезжай. Всё будет хорошо.

– Пап, да я могу еще остаться немного.

– Нам звонили из университета, интересовались, где ты, учеба уже в разгаре.

– Да там ничего важного.

Папа отрезал мои слова своим острым взглядом, он ловко умел останавливать любые споры. своим холодным взглядом.

– Ну, хорошо, я поеду, но при первой же возможности вернусь.

– Договорились. Да и теперь мы ведь можем по интернету общаться. Правда, ты редко звонишь.

– Да ты же понимаешь: работа, учеба – все такое. Но даю обещание, будем на связи постоянно.

– Сынок, я всё понимаю.

– Ты обещаешь мне, что всё будет хорошо?

– Конечно, что за глупости. Иди сюда.

Он обнял меня, и его запах отправил меня в детство. Как много секретов таится в запахах!

Всю ночь мне не спалось, было безумно стыдно. Я искал оправдание. Оправдание своему отъезду. Надо ли мне уезжать или настоять на своем и остаться дома? Нет, мне нельзя было подводить отца, мы с ним договорились, а если договорились, то обязаны выполнять условия договора. Этому научил меня он: всегда делай то, что обещал.

Сна всё никак не было, зато ко мне пришло воспоминание. Это был прекрасный летний день. Мне было лет семь. Я играл в карты на лавках с ребятами, солнце жарило землю адским пламенем, даже собаки, которых выпустили на улицу, не хотели бегать под яркими лучами, они прятались под скамейками и в подъездах. Отец вышел во двор, позвал меня и сказал садиться в машину. Я не знал, куда мы направлялись, да это было и неважно, если я был с отцом. Окно было открыто, моя рука боролась с ветром, как же приятно чувствовать его, пытаться противостоять ему!

– Мы едем на море, сегодня жарко, мне бы хотелось искупаться. Ты не против провести со мной денек? – сказал улыбаясь отец.

Пляж находился в двух часах езды от нас. Поэтому частенько наша семья и мамина сестра со своей семьей туда ездили на несколько дней. Жили в палатках, жарили шашлы-

ки, я со своим двоюродным братом сражался против волн, в то время когда наши родители отдыхали у костра.

– Да, это круто. А мы заедем на аттракционы, чтобы покататься на машинках?

– Заедем, конечно же. А еще шоколадное мороженое с холодной газировкой. Всё, как ты любишь, сынок.

Я тогда сиял от счастья.

Море было прохладным, вода и свежий воздух пожирали усталость. Помню, как раскаленные от горячего песка ступни касались чистой воды, она становилась ледяной, однако через минуту мы уже ныряли с головой в бескрайнее море. Людей было немного, это был дикий пляж на окраине города. Тут было несколько палаток отдыхающих, да и несколько чаек. Мы сделали несколько заплывов, а потом мокрыми упали на песок. Мое тело глубоко дышало, легкие глотали морской воздух, а кожа липла к горячему песку. На небе движутся чистые белые облака, на минуту я подумал, будто они идут к синему морю и где-то далеко-далеко встречаются.

– Ну что, по мороженому? – вдруг сказал папа.

– Да, да! – закричал я.

Мы окунулись еще раз в воду и направились к машине. Обернувшись, я попрощался с морем. Оно такое прекрасное и чистое, уходить, не попрощавшись, просто нельзя.

Через минут пятнадцать мы уже были на набережной и наслаждались мороженым и газировкой.

– Вон машинки, мы пойдем кататься? – сказал я, указывая

пальцем в сторону аттракционов.

– Конечно, только дай глоток воды сделать.

Мы садились в разные машины, затем устраивали гонки и постоянно таранили других людей. Обменивались серьезными взглядами, якобы замышляя план, как загнать в угол кого-то. Это было здорово. После аттракционов моему счастью не было предела, ноги мои летели впереди меня; споткнувшись о свою же ногу, я упал и у меня порвался тапок.

– Ну ты и красавец, сам-то цел? – улыбаясь моей нелепости, произнес отец.

– Да всё нормально. Придется босиком идти.

– Я понимаю, ты почти местный абориген, но пойдем лучше найдем тебе стильные шлепки.

Все палатки стояли вдоль пляжа, где по бешеной цене продавали дешевые рыночные вещи. Мы купили пару симпатичных шлепанцев за последние папины деньги и отправились домой. Я знал, что эти деньги нельзя тратить. У отца в барсетке всегда был отсек, где он хранил деньги, отложенные на какие-нибудь важные дела. Но никакие дела ему не важнее семьи.

Тот день был нашим сокровищем. Иногда приятно побыть наедине с близким человеком. Те шлепки до сих пор лежат у меня в кладовке со старыми вещами, они напоминают мне о том, что родители, несмотря ни на что, будут жить ради тебя, для тебя и с тобой, что бы ни случилось, они отдадут всё ради того, чтобы твоя жизнь стала лучше.

Ночью в комнате стало пусто, в ней нет ничего, кроме кровати, на ней валяется мое тело, все исчезло, поглотила темнота. Мне хотелось снова стать маленьким и побежать в кровать к родителям, прижаться к ним, а они в ответ скажут: «Сынок, это всего лишь плохой сон. Монстров не существует», – и обнимут меня, тогда я поверю в это и усну рядом с ними. Но ночь с каждой секундой всё чернела, а одиночество не покидало меня.

На вокзале было безумно холодно, снег падал не спеша, взгляд ловил каждую снежинку, меня грызло чувство стыда. Папа видел это, поэтому, как всегда, рассказывал смешные истории, которые происходили у него на работе, а мама вела себя как ребенок рядом с ним. Через несколько минут мы все улыбались. Но за этими улыбками скрывалась боль. Боль душевная и физическая. Вдали виднелся поезд, безумно тоскливо становится в моменты, когда дома остаются все, кроме тебя. Я обнял своих родителей.

– Это с чего вдруг такие нежности? – сказал смеясь папа.

– Я люблю вас, – тихо сказал я.

– Что-что ты там сейчас прошептал? – сказал удивленно он.

– Ты слышал, мне пора на поезд, – сказал смущаясь я.

– Смотри, какой он деловой, – сказала мама

– Мне пора.

Матери снова стало грустно, а отец пожелал мне хорошей дороги. Я взял сумку и зашел в тамбур, махнул им рукой

и отправился искать свое место, тяжело смотреть на близких тебе людей, стоявших за стеклом окна вагона. На душе было тоскливо, всё так быстро закончилось.

Ты обещаешь мне, что все
будет хорошо?

3

Я открыл дверь, в лицо мне ударил знакомый запах свободы, перемешанный с дешевым пивом и чипсами с беконом, не знаю почему, но мы постоянно ели чипсы со вкусом бекона. Кинув сумку в прихожей, я прошел в комнату, она была небольшая: старые обои цвета пропавшего молока, потолок с трещиной, которая появилась неизвестно когда, лампочка, висевшая на худом кабеле, и шторы на проволоочной нити.

Возле окна был мой маленький уголок с кроватью на жестких пружинах, она стояла там с девяносто первого года, самодельным столиком, на нем находился компьютер, а над ним висели плакаты (их давно уже надо отправить на макулатуру). Я обессиленный упал на кровать, мне стало так хорошо, захотелось остаться в этой комнате навсегда, уснуть в твердой кровати и не просыпаться или никогда не закрывать глаза, просто лежать и слушать свое дыхание, ни о чем не думая, словно меня не существует, вообще никого не существует.

Целыми днями мы с ребятами готовились к семинарам, читая скучные учебники, решая незнакомые матрицы, но как только солнце садилось, Денис бросал всё, бежал к холодильнику, доставал бутылку любого алкоголя, если он там обитал (обычно это был коньяк), и мы продолжали готовиться, но не к семинарам, а к выходным. Частенько к нам прихо-

дили знакомые ребята. В такой маленькой квартирке помещалось человек десять, может, больше, не всегда успеваешь следить за такими вещами, потому что все постоянно находилось в движении: кто-то был на кухне, кто-то на балконе, другие – в комнате или ванне. Эти пьяные вечера хорошо запомнились мне. Мы делали всё, что приходило в голову, обычно всё это было подвязано на алкоголе, не могу вспомнить день, когда все собирались и не расслаблялись с помощью выпивки, полагаю, такого дня просто не было. Это как собрать всех в церкви и не читать молитву, как прийти в магазин и забыть кошелек или посмотреть фильм без звука. В общем, алкоголь всегда был важной составляющей на наших праздниках. Такое время помогало мне жить, хотя, может быть, это всего лишь иллюзия жизни – скрывать страх в веселье и утреннем похмелье.

Когда я приехал обратно, город поглотил меня. Мне не хотелось никому говорить про отца. Веселье забирало всю грусть и боль, пожирало тревожные мысли. Люди отгоняли тоску, однако одиночество терзало меня ночами, в голову лезли разные картинки о будущем, но это оставалось в голове, я надеялся, там и останется.

Наступил выходной день, мы решили отправиться в один из сотни неизвестных баров, если быть точнее, то Саша стал инициатором данной вылазки. Он где-то слышал о демократичных ценах и качестве обслуживания клиентов в заведении под названием «Черри». Конечно, просыхать постоянно

дома нам не хотелось, и мы доверились нашему другу.

Я зашел туда и увидел полупустой зал; прошуршав глазами каждый кусочек заведения, проскочила мысль: «Джигу тут не танцуют». С правой стороны находилась барная стойка, а слева стояли столики с красными диванами, в центре – подобие танцпола, за ним еще несколько столов, где мы и разместились. Контингент был разный, но все же преобладала молодежь. Нас было пятеро, мы взяли с собой еще двух девчонок из университета, Алену и Катю. Это были две брюнетки, умом они не брали, но вид у них был неплохой. Обе стройные, с длинными волосами, красивой талией и длинными ногами, разница была только в одном: Алена была в темно-синем платье, а Катя – в светлом. Катя мне нравилась больше, всему виной макияж на ее лице, он смотрелся приятней, а в таких заведениях это играет не маленькую роль. Их пригласил Саша. У него отлично получалось знакомиться с девушками, я это не раз замечал, проблема была только в том, что это был всегда один и тот же типаж молодых особ. Я мог переносить их только под тяжелой дозой алкоголя, когда животные инстинкты берут верх над разумом.

Мы с Денисом не успевали за Сашей, тот торопился напиться, а времени у нас было еще очень много. Мы допили первую бутылку коньяка, девушки пили мартини. Заиграла старая веселая песня, название и слова были не так важны в песнях, если есть знакомый мотив, да и главное, чтобы в пляс хотелось идти. Изначально танцевали только мы второ-

ем, наши дамы отказались, сославшись на окружающую нас пустоту, но танцпол стоял ведь не просто так. Через несколько песен люди начали подтягиваться, это больше не казалось никому забавным и смешным, теперь тут царили настоящие танцы. Саша познакомился с двумя девушками, с ними был еще один парень, тот утверждал, будто бы он их старый друг-летчик, только с рейса и завтра у него выходной, поэтому и решил отдохнуть со старыми знакомыми. Его треп был интересен только Денису, тот внимательно слушал, задавал вопросы и глотал каждое его слово, в то время как летчик глотал рюмку за рюмкой.

Я начал общаться с одной из девушек, имени ее я не знал или просто не запомнил, это было для меня не столь важно. Мы решили пройтись. Улицы стояли пустыми, поэтому наши слова были такими звонкими, что их невозможно было не услышать. Я уже изрядно напился, из-за чего и рассказал ей о болезни отца, рассказал о собственном страхе. Не знаю, как дальше жить. В эту ночь я достал много слов и воспоминаний со дна моей души, где покоились самые острые, самые опасные вещи. Она молча слушала, только иногда что-то произносила, а я все рассказывал и рассказывал, а потом опустел.

– Зачем ты всё это мне рассказываешь? – тихо спросила она.

В этот момент я посмотрел на нее. Она была чуть ниже меня, в коротком сером пальто, которое служило ей щитом

от людских взглядов, каштановые волосы спокойно качались из стороны в сторону, не касаясь аккуратных плеч. В руках она держала огромный шарф, прямо как актрисы из цирка держат питонов. От этой мысли я невольно улыбнулся.

– Все просто, потому что мы больше никогда не встретимся.

Она молчала и ждала продолжения.

– Я всё это рассказал тебе только потому, что ты меня больше не увидишь. Мне не хочется, чтобы люди знали о моих проблемах, о случившемся в моей семье, о чувствах внутри меня. Всё это показывает меня далеко не сильным человеком. Да и потом, мало ли как в жизни будет, может быть, сегодня у меня есть друзья, а завтра нет. Вещи, которые я бы им рассказал, только навредят мне впоследствии. Люди приходят и уходят, а твоя жизнь остается твоей.

Не знаю, поняла она меня или нет. Может быть, она даже не слушала мои слова, но она была рядом в тот момент, когда дорога начала двигаться без меня, асфальт превратился в беговую дорожку и уже перестал крепко держать мои ноги. Теперь надо было постоянно бежать или упасть и больше никогда не вставать.

...Узкий коридор был забит бледными тушами нервных людей. Все волновались, наступил первый экзамен. Вокруг была паника, одни писали шпаргалки, другие перечитывали конспекты. Мы с ребятами решили ничего не делать: если не готовился, то сейчас уже ничего не спасет. Я пытался

контролировать страх перед неизвестностью, но он побеждал меня, как ледяная морская вода побеждает подбитый корабль, пожирая его всё быстрее и быстрее, затаскивает в свои прозрачные сети. Я решил пойти следующим, Денис зашел вместе со мной. Оба мы не сдали, точнее, сдали на тройки, поэтому решили к пересдаче подойти серьезно.

Денис остался сидеть с ребятами в коридоре, а мне стало стыдно, ведь половина ребят сдали экзамен, хотя их знания далеки от той оценки, которая стоит в зачетке. Кому-то везет, кто-то учит, а некоторые – такие, как я. Стыдно было перед родителями, они верят в меня, столько сил они вложили в меня, а я так похабно отношусь к их вере и труду. Мы никогда не ценим того, что другие делают для нас, особенно если эти люди – родители.

Я шел на остановку и ловил комки снега, которые спокойно совершали посадку на нашу землю. Под снежным дождем я наконец-то увидел ту самую зимнюю сказку. Когда дома спрятались под белоснежным одеялом, деревья надели свои шубы, а земля стала холстом, к ней никто не прикасался и вряд ли посмеет это сделать. Я смотрел на снег и думал, что у нас так много общего. Мы приходим в этот мир чистыми, прекрасными, а затем нас пачкают, раз за разом. Смешивают с грязью, и мы уже не знаем, как это – быть чистыми. Мы существуем, несмотря ни на что, а потом под лучами солнца или песком времени мы уходим из этого мира, на смену приходят другие люди, выпадает другой снег.

Вечером я зашел в интернет и набрал родных, чувство стыда поедало меня целый день. Я не привык обманывать или скрывать что-то от близких людей. Кто, если не они, поймет меня и направит на правильный путь?

– Вы не обидитесь, если кое в чем вам признаюсь? – я говорил, как маленький ребенок, совершивший некую шалость. Это выглядело забавно. От этого я непроизвольно улыбнулся.

– Сынок, я еще не готов, если ты про «это», – папа пытался разрядить обстановку, но мама сделала вид, словно ей это не понравилось. «Ты совсем дурак?!» – это она адресовала отцу вместе со своим злобным взглядом.

– Да всё дело в экзамене, я не сдал, точнее, сдал на тройку, но решил пересдать.

– А я уже подумала, и вправду что-то случилось. —

Я видел, как выражение лица у мамы изменилось, всё снова вернулось на свои места.

– Нет, конечно же, случилось, и это очень плохо, что ты не сдал, Максим. Ты уехал учиться в другой город, чтобы провалиться на экзаменах? – продолжала мама, но камень, лежавший у меня на душе, уже давно упал со скалы, теперь мне стало легче и можно было немного расслабиться.

– Почему ты не сдал? – спросил отец.

– На самом деле, если быть честным, то я не готовился к нему так, как надо было, или вообще не готовился, но всё будет хорошо. На следующей неделе всё исправлю. Обещаю.

– Это, конечно, плохо, что ты не подготовился и получил тройку, но хорошо, что ты хочешь это исправить. Надеюсь, это послужит тебе уроком и следующие экзамены тебе не придется пересдавать. Ты ведь толковый парень, не разменивайся на всякую городскую чепуху.

Я знал, о чем он говорит, а он знал о моей городской жизни, чувство стыда снова прокралось ко мне.

Мне снова безумно захотелось домой. Я смотрел на экран, и чувство тоски покрывало меня. Казалось, будто у них ничего не изменилось, а я просто уехал в поездку и совсем скоро обязательно вернусь домой, где всё останется прежним: качели во дворе всё так же будут скрипеть, с лавочек будет слезать краска, а на перилах в подъездах будут написаны самые искренние истории любви.

Ностальгия – страшная вещь, она может заставить тебя выть от тоски по людям, дому, чему угодно. Может согревать в самые холодные зимние дни, а может рвать тебя на жалкие маленькие кусочки, вдохнуть в тебя жизнь, а может отнять ее. Кто-то когда-то сказал: «Без прошлого нет будущего». Конечно, в этом есть истина, но не стоит поедать эту фразу целиком и упиваться ею, ведь можно напиться, упасть и больше никогда не взглянуть на яркий свет.

После того как мама отправилась спать, я решил наконец задать вопрос, который мучает меня день за днем.

– Как ты, пап... как твое здоровье? – я чувствовал, как неумело произнес эти слова, за ними стояли огромные чув-

ства. Не привык к этим словам, не научился открываться людям, даже самым близким.

Он помолчал несколько секунд. Я заметил, как сильно он изменился, острые черты лица, тонкая кожа, его волосы стали редеть, а в глазах усталость. Только улыбка осталась прежней. Она была с ним всю его жизнь и никогда не предавала его.

– Сынок, всё хорошо. Я принимаю лекарство, чувствую себя отлично. Скоро всё наладится.

Не знаю, верил ли я ему или хотел верить... Ничего другого у меня в конечном счете не было.

– Как там твой план насчет кафе? Есть материал какой-нибудь?

– Да пока нет, понимаешь, я не уверен, получится ли у меня...

– Максим, что значит «не уверен»? Если ты этого хочешь, то это обязательно будет, нет ничего, что может тебя остановить. Ты должен верить в себя, как я верю в тебя, и тогда всё будет здорово.

– Хорошо, пап. Может быть, когда-нибудь мы придем к этому.

Он знал о моей неуверенности в себе, поэтому всеми силами пытался меня поддержать.

– Ни в коем случае не забывай о том, что ты хочешь от этой жизни.

– Не буду, пап.

– Я надеюсь на это, сынок, я надеюсь... – он набрал в легкие воздуха и, подобно волне, грозно бегущей по морю, растворил его на белом песке.

В эту минуту я почувствовал нашу связь. Отец – это тот человек, который всю жизнь будет моим лучшим другом. Он не будет тебе сочувствовать и жалеть при любой проблемной ситуации, он даст подзатыльник и сделает так, чтобы ты сам эту ситуацию исправил. Это человек, поверивший в мои слова, в мечту, несмотря на то, что у меня ничего нет. Он будет говорить: «Давай делай. Иди вперед, там разберемся». А когда ты попадешь в глубокую яму, отец подаст руку и будет крепко держать тебя.

Этот разговор продолжался недолго. Он начал говорить о том, что хочет продать машину и купить грузовую, у него была идея, он как раз собирался рассказать мне ее, но наш разговор прервал мой мобильный телефон, звонил знакомый из университета. Я попросил отца подождать пару минут, но он сказал, что ему тоже пора спать. «Еще успеем обсудить мою идею», – он улыбнулся, и мы распрощались.

На следующий день я работал и домой попал только в двенадцатом часу ночи. Кафе, где мне приходилось крутиться в качестве официанта, работало до десяти часов вечера. Это небольшое заведение было сделано в египетском стиле. Снаружи оно напоминало пирамиду, сделанную из песчаного кирпича, над главным входом выгравирована надпись «Мемфис». Внутри довольно просторный зал, стены были украше-

ны рисунками: на одной стене изображены фараоны, на другой – египетские боги. На стойке стоял сфинкс, а за ним стояла уставшая девушка Юля, ей было всего двадцать с маленьким сундучком, но мешки под глазами и бледный вид делали из нее женщину, далеко убежавшую вперед за третьим десятком. Каждый раз бармены задерживаются на час после закрытия смены, чтобы убраться за стойкой и почистить всё оборудование, которое использовалось в течение рабочей смены. В этот вечер она попросила меня остаться вместо нее. «Срочные дела, Максим, выручай», – говорила она. Я не посмел отказать ей, из-за уборки не успел на электричку, а следующая была только через час. Уставший, замерзший, я упал на кровать, и через несколько секунд мой храп пришлось терпеть ребятам в комнате. До конца недели оставалось три дня, а я ни разу не позвонил домой. «Занятой человек», – однажды сказал отец, когда я оправдывался перед ним за свои «командировки» (так мы называли дни, в которые я обещал, но не звонил им).

Мы с ребятами ужинали и болтали о последней пьянке у нас в квартире, тогда соседи собирались вызывать полицию, им не нравились наши голоса под расстроенную гитару в руках нетрезвого бывшего футболиста.

Позвонил телефон, это была мама. Я пошел в комнату, чтобы никто не слышал нашего разговора.

– Максим, отцу стало плохо, ты должен приехать, – в ее голосе были страх и тревога.

– Я приеду, приеду...

Страх тоже начал поглощать меня, в голову залетали разные мысли, но спросить о чем-либо я боялся.

– Приезжай быстрее. Ему очень плохо.

– Хорошо, скоро буду

К моей шее привязали огромный камень и кинули его в пропасть, я уже чувствую, как веревка кончается и скоро мне придется падать.

Положив трубку, я сидел в комнате без света. Мне хотелось подорваться, рвануть на вокзал и поехать в ту же минуту домой, но как только ноги пытались сдвинуться с места, в мою голову влетали разные вопросы: что делать с учебой, что делать с работой, где взять деньги. Ребята зашли в комнату, они выслушали меня, и мы начали вместе рассуждать, точнее, они предлагали свои варианты. Саша рассказал про свою бабушку, она болела раком, это длилось несколько лет, и, скорее всего, моя мама просто сильно взволнована.

– Я понимаю, семья важнее всего, но как же учеба? – спросил Саша.

– Да плевать мне на нее.

– Макс, а работа? У тебя ведь еще две смены, – нерешительно сказал Денис.

– Чертова работа. Да и денег нет, – я был в таком замешательстве, всё вокруг стало вдруг непонятным, где правильный путь, а где нет, мне было неизвестно.

– Отработай эту неделю и двигай домой, осталось всего

три дня, – снова сказал Саша.

Они оба смотрели на меня, их глаза говорили, что я поступаю правильно.

– Мы разберемся в университете, а ты поговоришь на работе, они тебя отпустят.

Меня рвали сомнения: как поступить? Я понимал, если уеду сейчас, то на работу можно не возвращаться, а она мне нужна, да и денег сейчас нет, надо занимать у кого-нибудь либо просить аванс, поэтому в любом случае придется остаться на несколько дней.

– Отработаю и сразу уезжаю. – Это показалось мне верным решением, «никого не подставлять» – вот о чем я думал тогда.

На следующий день мне пришлось объяснить на работе, почему я буду отсутствовать на следующей неделе, а может быть, не только на следующей. Весь диалог меня тошнило от слов, вылетающих из моего рта. Они сделали сочувствующий вид, мол: «Друг, нам очень жаль, мы готовы предоставить тебе отпуск за свой счет, но смены на этой неделе ты должен отработать, нельзя подводить коллектив».

В этот вечер я впервые окунулся во взрослую жизнь с головой. Безусловно, на их стороне стояла правда, они спокойно закрывали глаза на человеческие проблемы, их библия – это Трудовой кодекс. Хочешь работать – выходи на смену, не выходишь – можешь гулять. Чем больше город, тем меньше людей в нем.

Ночью мне не спалось. Так трудно жить в страхе. Он поглотил меня всего. Звонок телефона пугал до безумия. Я боялся только одного звонка, того самого звонка. Закрыв глаза, ко мне приходили разные картины самого ужасного события. Осознание неминуемой смерти кидает в холодный пот. Слезы с глаз спускались по коже. Веки накрыли проектор, сухие губы приоткрылись и начали шептать: «Отче наш...» Я мог тогда только молиться и надеяться на чудо. Душа рвала сама себя, мне нужна еще одна встреча с отцом. Мне всего-то нужен разговор, всего один разговор, чтобы я мог сказать, как люблю его, что он стал моим лучшим другом, он тот человек, пробудивший во мне веру в себя. Нет, нет, нет! Не сейчас, не время уходить, нам столько всего нужно сделать, столько всего обсудить. Я представлял, как приеду домой, сяду рядом с отцом и начну ему рассказывать, как мы будем открывать наше кафе, он будет руководить всем процессом, конечно, как только вылечится. Много работы нас ждет, ему надо быть здоровым. Он будет исправлять мои ошибки, будет указывать мне правильный путь.

Для этого и нужен отец, чтобы всегда давать толчок своему сыну, помогать и поддерживать в чем бы то ни было. Слезы текли всё сильнее и сильнее, мокрая подушка создавала неудобства и начинала вызывать отвращение. Но я продолжал нашу встречу в своем мире. Сейчас я говорю, что сильно люблю его, это – правда, но мое стеснение никогда не давало признаться в этом, говорю, что не отпущу его, он ведь мне

нужен, он нужен нам. Так много хотелось сказать ему, но его не было рядом. А сердце выло от боли. Мысли летали внутри меня, крики душили, слезы топили. Возможно, я был в бреду. Но мне нужна была встреча. Что бы сделал кто-то другой? Я стал молиться, надеяться на еще одну встречу вместо того, чтобы встать и найти деньги, купить билет, плюнуть на всё и приехать. Кажется, так просто, вот только это было далеко не просто, как странно ни звучало бы. Сон не приходил, только страх, как ворон, кружил надо мной. В конце концов решение было принято – завтра отрабатываю последний день и уезжаю.

На работе я объяснил, точнее, поставил всех перед фактом: «Делайте что хотите, я сегодня уезжаю». Мне дали аванс, оставалось всего шесть часов до конца смены. Людей было мало, да и те, кто был, заказывали немного. Я находил забавным место моей работы и часто наблюдал за людьми, они все казались такими разными, а в сущности были одинаковые. Единственное их различие – в напитках, заказанных после пятиминутного изучения меню: кто-то – дорогой коньяк, другой – рюмку дешевого бурбона, но суть выходит одна – они оба пьют алкоголь. Оба общаются с помощью слов, оба касаются вещей руками, видят мир глазами, ходят по земле ногами. Я говорю это всё к тому, что различия, существующие между каждым из нас, созданы только нами. Конечно, мои слова не особо убедительны, любой человек может разрушить их, как карточный дом, но такие мысли

приходят во время работы с людьми. Я столько времени наблюдал за ними, изучал их движения и поступки, что мне эти слова кажутся правдой.

Картина начинает вырисовываться с той самой секунды, как молодые люди заходят в кафе (пара, компания или один человек – это абсолютно неважно), садятся за стол и открывают меню. Всё это словно кино, где есть завязка, кульминация и, конечно, конец. И так каждый день. Влюбленные пары, одинокие женщины и мужчины, сумасшедшие компании. Они – это картины, за ними мне суждено наблюдать, хочу я этого или нет. Немалую роль играем и мы, обслуживающий персонал (от этой фразы меня всегда немного корбило), на нас лежит ответственность за вселенную наших клиентов. Мы – это дождь в кино, мы – это музыка и свет, на нас не обращают внимания, но мы есть.

– Макс, коктейли готовы, – сказала Юля.

– Да, да, точно, – растерянно сказал я.

– Ну так что стоишь? Хватай и беги.

– Как скажешь.

Я двинулся к столику, за ним сидела компания из шести человек. Девушек было трое, они пили Лонг-Айленд и курили ментоловые сигареты, им явно чего-то не хватало, наверное, одежды, но это не мое дело. Мое дело – ходить в убого пошитой форме и разносить коктейли. Парни пили виски с колой или колу с виски, не знаю, мне до сих пор неясно, как можно пятьдесят граммов разбавлять двумя бутылочка-

ми колы. Мое дело – разносить заказы, и они очень хорошо это знали, так как даже не подняли глаза в момент, когда я с натянутой улыбкой ставил бокалы. Телефон завибрировал после того, как я поменял пепельницы на столах. Звонила мама, в голову ударило легкое головокружение. Я держал телефон, но не осмеливался взять его в руки, они тряслись вместе с трубкой. Дыхание проходило сквозь трубку, мне хватило лишь его, чтобы всё понять. Я молчал, на другом конце молчала мама, это молчание, мне показалось, длилось вечно.

– Максим, папа умер.

Воздуха стало не хватать. Тело не могло сделать ни вдох, ни выдох, только через несколько секунд у меня получилось возобновить дыхание, вместе с болью и подступающими слезами.

– Тебе нужно приехать. Послезавтра похороны, – слезы мешали ей говорить отчетливо.

– Черт, не успел, – шепотом сказал я.

Мои ноги ослабели, спина нашла опору в виде холодильника, тело поплыло вниз. Осознать все произошедшее я не мог, да и как бы у меня это получилось, если ничего, кроме слов, до меня не доходило, да и они летали далеко от меня.

– Я приеду, да, сейчас. Черт, скоро буду, да.

Глаза закрылись, в голове штиль, мое дыхание теперь пело в унисон с болью, разрывающей проклятые легкие. В правой руке у меня был телефон, левой я вытер слезы. Так тяжело

я еще никогда не вставал на ноги. Мне пришлось держаться за холодильник, конечности меня подводили, коленки тряслись, Юля видела эту картину и знала, что это был за разговор, мы с ней неплохо общались, иногда приоткрывали двери своей жизни. Она подошла ко мне.

– Макс, мне жаль. Иди домой, мы справимся, – она старалась придать своему голосу твердость, силу, но ее, к сожалению, не было.

Дорога домой была слишком туманной, асфальт плыл, деревья кружились, так плохо запомнилась. Я старался выкинуть всё из головы, чтобы осталась только пустота, ничего, абсолютно ничего больше. Глубоко дышать, смотреть под ноги и ни о чем не думать. Но как только дверь открылась, одинокая квартира встретила меня, и ей я доверился.

Я упал на колени, руками держал пол. Подобно измотанному быку, которому осталось совсем немного, он держится до последнего вздоха, так держался и я. Кислород опьянял мой мозг, голова кружилась, а слезы не спеша падали на грязный ковер в коридоре. Голодный зверь делал из моей души потроха, рвал своими острыми когтями мою плоть, а мне только оставалось повторять: «Как же больно, это так больно, черт, черт...» Никто меня не слышал, стены стояли смиренно, они смотрели на меня своим величественным взглядом, такие бездушные молочные стены.

Острая боль стала постоянной, она висела грузом внутри меня, она тянет вниз. Борьба не было смысла. Слезы оста-

вили свои следы на ковре в коридоре, ноги не могли меня больше держать, я опустился на пол. И тихо начал шептать:

– Папа, это ведь неправда, послушай, ты же мне обещал, ты говорил, что всё будет хорошо, говорил ведь. Почему мама сказала мне такое? Нам нужно поговорить с тобой, правда, нужно поговорить, я ничего не понимаю, ты ведь не уйдешь, никто не должен уходить, если он кому-то нужен, пап, ты нужен мне. Я верил тебе, слышишь...

Усталость приходила ко мне с каждой секундой, эти мысли были безумно тяжелыми, они избили меня и оставили одного. Мои глаза смотрели на стену отвратительного молочного цвета, чертов молочный цвет, она смотрела на меня своим презрительным взглядом, я знал, она осуждает меня, но я ничего не мог сделать. Остался только шум дыхания, переходящий в колыбельную. Глаза, как занавес театров, опустились.

Эмо ведь #епабда?

4

Это был теплый день. Начало весны. Жизнь летала вокруг дворов и будила всех своими красками, лучи солнца проникали в самые тайные уголки мира, чтобы отдать им немного собственного тепла. Деревья начинали цвести, на тонких ветках расположились маленькие почки, а кое-где появлялись скромные цветки. Вся эта картина не радовала лишь только потому, что я стоял на кладбище среди сотен могил. Огромное поле стояло позади меня, оно будет усеяно могилами через год, может, два.

Откуда такое количество людей, мне неизвестно. Бесспорно, у папы было много знакомых, эти люди прошли через его жизнь, но я не слышал о них никогда. Всё это создавало некий дискомфорт, даже сейчас мне нельзя было побыть с ним наедине, в последние минуты. Это кажется несправедливым, правда, только поначалу, в сущности, человек не принадлежит никому и одновременно принадлежит всем. Мы являемся маленькой частицей внутри многих людей, и когда люди теряют эту частицу, им становится тоскливо. Сегодня такое со многими. Одноклассники, друзья с работы, родственники да и остальные неизвестные мне люди пришли попрощаться с отцом. Тебе может показаться, что ты один, хотя на самом деле ты сам загоняешь себя в рамки одиночества. Создаешь некий куб пустоты, где нет никого, кроме те-

бя, и как бы ты ни старался из него выбраться, тебе не хватит сил. Поначалу ты будешь кричать, разбивать руки в кровь и искать спасения в случайных людях, но затем поймешь – твое одиночество никуда не ушло и надо продолжать жить, жить с постоянной тенью на пару.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.